Наруто, несмотря на все протесты, был убийцей. Годы войны лишили его наивности, оставив лишь каменную решимость добиваться победы любыми средствами. Хотя ему не нравилось лишать себя жизни, он был готов покончить с ней, если это было необходимо для достижения цели. Нельзя было стать шиноби и ожидать, что при исполнении служебного долга он не пожалеет жизни, а не жизни того, кто ударит тебя в спину при первой же возможности.

Он начал с того, что брал разные работы для разных людей, сделал себе имя, убивая песчаных людей, но только когда научился управлять звездолетом - и наконец накопил достаточно денег, чтобы купить его, - он задумался о том, чтобы стать охотником за головами. Конечно, мало кто хотел рисковать, нанимая новичка, но в лучшие времена можно было неплохо заработать. Во время работы его не отпускали воспоминания о Шми и Энакине - мальчике, который мог бы стать его сыном.

Спустя некоторое время он встретил Джанго Фетта и стал настоящим охотником. Мандолорианином. Это было весело. А под весельем Наруто подразумевал мучительную боль и разочарование. Тогда он принимал все его уловки на ура и сражался с ним не ударом за ударом, а стратегией и хитростью. Если бы не сила его собственного плаща джинчуурики, он бы точно лишился жизни в тот день. Кто бы мог подумать, что существует материал, способный противостоять его расенганам и расеншурикенам?

Возможно, Шми и помогла ему узнать, как устроена галактика, но в конечном итоге именно Джанго и пять лет чистого ада сделали из него настоящего охотника. С тех пор Наруто решил охотиться только на своих условиях, выискивая злых людей, за которых полагается награда. Так родился Шиноби Угрозы. Внезапно он оказался "на слуху", как сказал бы Джанго. Потенциальные работодатели больше не задирали нос - или то, что в некоторых случаях считалось носом, - на него и его предложения; наоборот, клиенты наперебой требовали, чтобы он выследил их цели.

И он их выслеживал. От основных миров до внешнего кольца - ни одна цель не ускользнула от него. Его прозвали Угрозой, ибо он был угрозой для своей добычи, такой же неотвратимой, как и ужас, который они испытывали, когда понимали, что он идет по их следу. Их ждала только смерть или поимка. Иногда первое было предпочтительнее второго.

В конце концов, одно привело бы к другому, пока он выслеживал бы добычу за добычей. Четыре года спустя...

...и вот он здесь, сегодня. И по сей день он не был уверен, является ли Энакин его сыном... или нет. Шми отказывалась уточнять, когда бы он ни затронул эту тему, и, хотя у него были свои подозрения, он не хотел давить на нее, как и тогда, когда впервые обнаружил, что она беременна. Вот это был шок.

И все же сходство было налицо. Песочные светлые волосы, ярко-голубые глаза, та же пытливая жилка, что была у него в детстве... Энакин мог быть его ребенком. Но что, если нет?

Тряхнув головой, джинчуурики выбрался из-под одеяла, надел кожанку и направился к двери.

Он остановился, когда его взгляд привлек серебристый блеск на тумбочке.

Его световой меч, собранный после неуклюжей попытки Энакина разобраться в его внутренностях, лежал совсем рядом. Он потянулся к нему, и на губах его заиграла легкая улыбка. Прикосновение к нему вызвало в памяти потрясенное выражение лица Квай-Гона, его полный и абсолютный шок, когда Наруто победил руку Саабака и впоследствии завладел клинком как своим собственным. Какие это были воспоминания. Кто бы мог подумать, что у джедаев такие отстойные покерные лица? Сцепив пальцы, мандолорианский шиноби вышел за дверь и шагнул в холодную ночь Татуина.

Он глубоко вздохнул и взял рукоять в свободный одноручный захват. Он наслаждался ее ощущением и теми изменениями, которые он произвел. Теперь это было оружие не джедая, а шиноби. Это было его оружие, щит для защиты тех, кого он любил, и меч, чтобы разрубить тех, кто осмелился искать их зла.

Щелкнув рукоятью, он зажег клинок.

Вместо прежнего жуткого зеленого цвета его встретил изумительный пурпурный. Он обнаружил, что, хотя ему не хватает средств, чтобы использовать Силу обычным образом, как это делают джедаи, не разрывая при этом галактику на части, он не в силах изменить цвет самого холодного кристалла. Чакра, как его собственная, так и Курамы, превратила нефритовый кристалл в нечто иное, создав клинок, который он мог с гордостью назвать своим. С большим трудом он выгравировал на своем новом трофее простую надпись, похожую на одинокий лист, молчаливый кивок в сторону тех дней, когда он был шиноби. Дни, давно минувшие и прошедшие, времена, вспоминаемые с тоской и болью.

Счастье и печаль.

Цвет был подходящим, подумал он, учитывая его союз с Курамой в начале Четвертой войны шиноби. Фиолетовый. Не алый и не сапфировый; не светлый и не темный, а где-то посередине, на грани между Добром и Злом. Этот клинок, хотя и не был его основным оружием, отражал самую суть шиноби - возможно, последнего из существующих. Орден джедаев и ситхи в целом вызывали у него отвращение; склонность первых отгораживаться даже от самых низменных эмоций напоминала ему Корень Данзо, а одержимость и извращенное самосознание вторых вызывали прямо-таки тошноту. Лучше просто уничтожить их обоих. Ну, кроме Квай-Гона. С ним все было в порядке. Для джедая. А еще была та тви'лекская джедайка, которую он встретил несколько лет назад. У нее было чертовски красивое тело. Как ее звали? Эйли? Нет. Айя? Нет...

Аайла?

"Становишься сентиментальным, Кит?"

"Вряд ли". Наруто с насмешкой подумал об этом, отказываясь даже думать о таких чувствах к женщине, которую он едва знал. Джедай вообще сторонился эмоций. Даже если бы она

показалась ему привлекательной - а он не возражал, - он вряд ли ожидал, что она ответит на его чувства. К тому же, я просто наслаждаюсь своим новым трофеем".

"Как скажешь", - проворчала кицунэ. "Хотя ты всегда мог бы найти себе другую женщину...

'Черта с два!'

"Не будь таким! Уверен, что твоя девка не откажется поделиться...

Значит, ты предпочитаешь, чтобы я подавал Энни плохой пример?

"...как отец, так и сын".

Наруто споткнулся на полшага вперед. Растерянность едва не стоила ему руки: хватка на рукояти привела клинок в опасную близость от его лица, прежде чем он успел отвести его в сторону.

'ОЙ!' - нахмурился он. "Черт возьми.

'Я и так едва ли гожусь в отцы'. Наруто захихикал, уходя от воображаемого выпада, и перевел световой меч в обратный хват, превратив движение в легкое парирование одной рукой. Я вижу ребенка лишь раз в несколько месяцев, да и то всего несколько дней".

"Ага, точно не отец года".

'Эй!' Наруто вздрогнул, уловив в словах напарника некий шарж. 'Все изменится, когда они освободятся. Просто подожди и увидишь!

"Ах да, твой гениальный, но обманчивый план уехать на закат и жить долго и счастливо, не так ли? Уверен, у вас все получится".

"Ну, когда ты так говоришь... это звучит надуманно".

"Потому что это так, мальчик!"

"Говорит влюбленный лис". Наруто фыркнул.

Кьюби зарычал.

"Это было низко".

'Sorry.'

"Это не моя вина, что я такой чертовски придирчивый…

http://tl.rulate.ru/book/103609/3604259